

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

МОНИЗМ СПИНОЗЫ

КАК ОСНОВА МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Н.И. ЧУПРИКОВА

Психологический институт РАО, Москва

Статья является откликом на публикацию А.Г. Асмолова с соавторами (Вопросы психологии. 2016. № 2).

Обосновывается несостоятельность редукционистской теории тождества психики и деятельности мозга и всех вариантов параллелистической трактовки отношения между ними. Обсуждается фактическая и логическая несостоятельность теории тождества психики и деятельности мозга. Эксплицированы логические тупики параллелистического решения психофизиологической проблемы. Делается вывод о справедливости мнения Ф. Крика и Т. Нагеля, что неспособность логически ясно раскрыть связь между психикой и деятельностью мозга требует кардинального пересмотра и изменения содержания используемых здесь понятий.

Обосновывается сложившееся в отечественной психологии понимание психики как отражения действительности, необходимого для регуляции поведения деятельности. Аргументируется отказ от механико-физикалистской трактовки деятельности мозга, поскольку она должна рассматриваться как отражательная по своей природе, задачам и функции.

Развивается взгляд, что отражательные процессы деятельности мозга имеют двойственную материально-идеальную природу. Они материальны, так как от начала до конца протяженны и вещественны. Они идеальны по своему содержанию, так как воплощают в себе вне них существующую действительность. В этом их качественное отличие от всех других материальных процессов в теле животных и человека.

Приводятся аргументы в пользу адекватности монистической теории Спинозы, согласно которой душа и тело являют собой одну и ту же «вещь», представленную в одном случае под атрибутом протяжения, а в другом – под атрибутом мышления. В свете теории отражения и принципа дополнительности обсуждаются правомерность и необходимость равноправного использования для описания единых психофизиологических (психофизиокохимических) процессов двух разных языков – языка психологии и языка физиологии мозга.

Рассматривается гипотеза о существовании качественно различных процессов нервного возбуждения. Обсуждается необходимость различения общего родового понятия «психика» (*mind*) и более узкого видового понятия «сознание» (*consciousness*), рассматриваются современные представления о физиологических механизмах сознания.

Ключевые слова: психика, истоки и развитие психики, сознание, теория отражения, монизм Спинозы, материально-идеальная природа психофизиологических процессов, принцип дополнительности.

В настоящее время в связи с бурным развитием широкой сферы нейронаук (начиная с молекулярной нейробиологии и кончая онлайн-картированием работы мозга человека при выполнении разного рода сложных когнитивных заданий) вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что психика животных и человека целиком и полностью порождается их работающим мозгом, является специфической функ-

цией этого специализированного для осуществления данной функции органа тела.

Накапливаемые данные о работе мозга животных и человека при осуществлении поведенческих актов, при обучении и запоминании материала, в актах восприятия, мышления, принятия решений и т.п. знаменуют подлинный революционный прорыв в понимании структуры и функций мозга. Наверное, все, кто более или

менее знаком с современной нейронаукой, согласятся с тем, что еще 40–30 лет назад трудно было ожидать чего-либо подобного в наших знаниях о работе мозга.

Однако на фоне этой вполне законной эйфории все настойчивее возникает вопрос не о том, как вообще работает мозг, а о том, как он в процессе своей работы порождает психику, т.е. богатейший спектр наших субъективных ощущений и восприятий, мыслей, чувств, потребностей, желаний и т.д. и т.п.

Этот вопрос пока не получил сколько-нибудь внятного решения, его обсуждению посвящены многие статьи и книги, в том числе известные работы Д. Чалмерса (2013), Т. Нагеля (2001). По словам Е.Н. Соколова, проблема соотношения протекающих в нейронных сетях процессов с их проявлениями в форме субъективных переживаний и поведенческих актов остается «величайшей загадкой науки» (Соколов, 2010, с. 235). Данный вопрос поднимается и в недавно вышедшей публикации А.Г. Асмолова, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризова (2016), в которой он обсуждается в широком контексте природы жизни, ее эволюции, структуры развивающихся сложных систем, теории познания, эволюционной эпистемологии. Настоящая статья является откликом на эту публикацию.

Я полностью согласна с авторами в их отрицании господствующей сейчас в связи с успехами в изучении работы мозга редукционистской теории тождества психики и деятельности мозга. Однако в целом мне трудно согласиться с предлагаемым авторами решением проблемы. В принципе отстаиваемую или методологическую позицию о *несводимости* психических феноменов к физиологическим процессам мозга я считаю правильной, но такая общая формулировка допускает разные истолкования, в том числе дуалистического характера, и поэтому требует конкретизации, т.е. ясного раскрытия того, в чем именно эта несводимость состоит и

как именно она проявляется. В частности, авторы обходят молчанием вопрос о существовании психофизиологических (психофизических) мозговых процессов. Если положение о несводимости психических феноменов к физиологическим процессам мозга правильно, то как ответить на вопрос о сводимости или несводимости психических феноменов к психофизиологическим (психофизическим) процессам?

В моих работах было предложено материалистическое монистическое решение психофизиологической проблемы, которое, однако, не является простой, и по существу редукционистской, теорией тождества (Чуприкова, 1985, 2010, 2015 и др.). Его можно назвать Спинозианским, обосновывающим формулу Б. Спинозы, согласно которой тело и душа являются собой одну и ту же «вещь» (одну и ту же субстанцию), но представленную в одном случае под атрибутом протяжения, а в другом – под атрибутом мышления. Эта формула прямо обращает нас к сложившемуся в теории познания принципу *дополнительности*. Принцип ставит во главу угла положение о существовании разных, не сводимых друг к другу, фундаментальных свойств определенных вещей, явлений, процессов. В силу этих различий разные фундаментальные свойства вещей и явлений требуют принципиально разных методов познания, не могут быть познаны одним и тем же способом. В данном контексте применительно к психофизиологической проблеме речь должна идти о единых психофизиологических процессах, о том, что в этих единых процессах их фундаментальные психические и физиологические свойства познаются разными науками и разными методами и поэтому должны находиться в отношении *дополнительности* друг к другу.

В настоящей статье по возможности кратко излагаются основные аргументы, ведущие к Спинозианскому решению психофизиологической проблемы.

ФАКТИЧЕСКАЯ И ЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ ТОЖДЕСТВА ПСИХИКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА

С точки зрения радикальной теории тождества душа (*mind*) как таковая не существует. Это всего лишь некий символ или ярлык для обозначения специфического уровня биологической активности (Психологическая энциклопедия, 2006, с. 90).

Выразительная формулировка этой теории представлена в книге Д. Свааба, которая так и называется: «Мы — это наш мозг» (2014). Автор пишет: «Психология... изучает не душу, но наше поведение и наш мозг. Никаких психонов не существует — существуют нейроны. Когда человек испускает дух, не душа его отлетает — перестает действовать его мозг. Я ни разу не слышал убедительного возражения на простое заключение: дух — это результат деятельности наших 100 миллиардов мозговых клеток, а душа — всего лишь недоразумение» (Там же, с. 407).

А.Г. Асмолов с соавт. цитируют в своей статье Г. Фолльмера, который пишет: «Поскольку познание понимается как функция мозга, эволюционная теория познания с самого начала ставит проблему тела и души с позиций теории тождества и защищает тем самым последовательный натуралистический подход» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2016, с. 5).

Теория тождества психики (души, *mind*) и биологических процессов в теле (в мозге) находит отражение в учебниках психологии. В известном учебнике Д. Майерса, выдержавшем несколько переизданий и переведенном на несколько языков, неоднократно повторяется, что психические явления — это явления биологические, утверждается, что «каждая ваша идея, каждое настроение, каждый порыв есть биологическое событие. Вы — это тело» (Майерс, 2001, с. 69).

Анализ теории тождества позволяет выделить для рассмотрения три ее относительно разных аспекта.

Первый — это полная элиминация в радикальных вариантах теории самой психики как таковой, полное отрицание ее реальности и полное абсолютное сведение ее к деятельности мозга. Однако такое утверждение противоречит фактическому положению вещей. Неверно, что наука психология изучает лишь наше поведение и наш мозг. Она с большими трудностями, переживая драматические коллизии и кризисы, явно продвигается на пути изучения своими собственными методами психики как таковой — наших ощущений и восприятий, мыслей, образов памяти и воображения, чувств и потребностей, волевых порывов (Чуприкова, 2015). Трудно отрицать, что наряду с нейронами психика все-таки существует.

Второй аспект — это утверждение, что наш дух (ощущения, восприятия, мысль, чувство) — это результат деятельности 100 млрд наших мозговых клеток. Возражать против этого утверждения действительно невозможно и не нужно. Так оно и есть. Вопрос, однако, в том, что это за результат. Результат деятельности 100 млрд наших мозговых клеток это только генерация в них нервных импульсов, их проведение, образование связей между нейронами и формирование нейронных ансамблей, возбуждения со стороны которых выходят к исполнительным органам и проявляются в актах нашего поведения? Или это еще нечто другое, что почему-то получило название духа, души, психики, ощущений и восприятий, мыслей, образов и т.п.? Этот вопрос в теории тождества не ставится. Нет никакой психики, есть только нейроны. И точка.

Наконец, *третий* аспект теории тождества — логический. В логике понятие отношения тождества объектов и явлений используется для обозначения предельных случаев их равенства, когда равными являются все их родовые, видовые и индивидуальные признаки. Если психики вообще нет, то о каком тождестве ее с деятельностью мозга вообще можно говорить? А если

она все же есть, хотя и порождается деятельностью 100 млрд мозговых клеток, то какие же ее признаки тождественны признакам деятельности мозговых нейронов? Этот вопрос теория тождества не ставит. Поэтому ее логическая несостоятельность очевидна.

ЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ ПАРАЛЕСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Исходным отправным пунктом развития в европейской теоретической мысли представлений о соотношении души и тела является их резкое дуалистическое противопоставление в философии Р. Декарта. Психика (душа) и материя (тело), включая деятельность нервной системы и мозга, были признаны двумя разными мирами, разными субстанциями, абсолютно отличными друг от друга. Материя протяженна, а психические процессы, хотя и протекают во времени, лишены пространственной протяженности, они «бестелесны». В силу своей непротяженности и бестелесности они не могут быть восприняты и познаны посредством органов чувств, как это существует для всех протяженных вещей и явлений материального мира. Они познаются другим путем — внутренним зрением, или интроспекцией, и представляют собой внутренние субъективные состояния сознания человека, недоступные никому другому, кроме его самого.

Однако по мере развития физиологии органов чувств, нервной системы и мозга, с одной стороны, и экспериментальной психологии — с другой, накапливалось все больше неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что душа и деятельность мозга совсем не столь различны, как это предполагалось декартовым дуализмом. Накапливаемые факты все больше говорили о том, что многие психические явления и процессы могут иметь своей причиной материальные процессы в мозге или,

по крайней мере, неразрывно с ними связаны. Поэтому представление об особой духовной субстанции, лежащей в основе психических явлений, было оставлено. Они стали пониматься как особый продукт, особая функция, или свойство, или особая сторона деятельности мозга. Само существование психических процессов и явлений как особых явлений и процессов, представленных в интроспекции субъекта, не отрицалось, хотя и признавалось, что для этого необходим работающий мозг.

Признание существования особого рода процессов, называемых психическими, и особого рода явлений, получивших название явлений сознания, наряду с протекающими совместно с ними мозговыми процессами, привело к господствовавшей с конца XIX в. теории психофизического (или психофизиологического) параллелизма. Эта теория получила законченное оформление в следующих трех аксиомах психофизической корреляции, сформулированных в 1896 г. Г. Мюллером; они излагаются в книгах Э.Г. Боринга и Д. Чалмерса (Чалмерс, 2013, с. 479).

1. Основанием любого состояния сознания является материальный процесс, так называемый психофизический процесс, протекание которого связано с присутствием сознательного состояния.

2. Равенству, сходству или различию в устройении ощущений соответствуют равенство, сходство или различие в устройении психофизического процесса, и наоборот. Более того, большему или меньшему сходству ощущений также соответствует большее или меньшее сходство психофизического процесса, и наоборот.

3. Если изменения ощущения имеют одну и ту же направленность, или если различия, существующие между рядами ощущений, имеют сходную направленность, то изменения психофизического процесса, или различия данного психофизического процесса, имеют сходную направленность. Более того, если ощущение может изменяться в n направлениях,

то фундирующий его психофизический процесс тоже должен быть изменчив в *n* направлениях, и наоборот.

Аксиомы Г. Мюллера полностью отвечают фактам. В этом смысле они истинны. По словам авторитетного философа, активного участника современных дискуссий по психофизической проблеме Т. Нагеля (2001), есть все основания с полной безусловностью утверждать, что ментальное всегда сопутствует физическому, что нет ментальных различий без соответствующих физических различий.

Однако строгое следование этим аксиомам с неизбежностью заводит теоретическую мысль в логические тупики, из которых еще никто не нашел выхода.

Первый тупик — это тупик эпифеноменальности психики. По мере развития естествознания и физиологии центральной нервной системы становилось все более теоретически ясно, что все акты поведения животных и человека в принципе могут быть объяснены на основе знаний о материальных процессах деятельности мозга. Но если это так, то зачем тогда вообще нужна какая-то психика, непространственная и нематериальная? Вытекающий отсюда логический вывод о психике как некоем эпифеномене, неизвестно для чего существующем, тревожил многих (Чуприкова, 1985, 2015). Так, по словам Т. Рибо, которые приводят в своей статье А.Г. Асмолов с соавт., бестелесная и нематериальная психика так же может влиять на поведение человека, как тень на шаги пешехода.

Хорошо известная и выразительная иллюстрация этой логики была дана У. Джемсом при характеристике так называемой теории автоматизма. Согласно этой теории, писал он, если бы мы в совершенстве знали нервную систему В. Шекспира и все падавшие на него воздействия, мы могли бы с исчерпывающей полнотой понять, как и почему его рука начертала неразборчивыми мелкими знаками то, что называется

рукописью «Гамлета», не предполагая при этом в голове В. Шекспира решительно никакого сознания (Джемс, 1902).

Относительно недавно ту же логику полностью воспроизвел такой крупный нейрофизиолог, как Дж. Экклз. Если мы можем, говорил он, объяснить все поведение в терминах деятельности нервных сетей, что не вызывает сомнений, то сознание является абсолютно ненужным. И хотя, продолжал он, я не могу с этим согласиться, я не вижу никакого логического выхода из данного положения. На том же симпозиуме другой крупный ученый Г. Тойбер, выступая в дискуссии, признал, что он также не может ответить на вопрос, поставленный Дж. Экклзом (*Brain and conscious experience*, 1966).

Второй логический тупик, возникающий в связи с параллелистической теорией соотношения психики и деятельности мозга, эксплицирован Т. Нагелем (2001). Как уже говорилось, он не сомневается в том, что ментальному всегда сопутствует физическое, что нет ментальных различий без соответствующих различий физического. Однако глубокая мысль Т. Нагеля состоит в том, что такое соупотствование (соответствие одному другому) остается только чисто эмпирическим фактом, природа которого не ясна. Мы не понимаем природу этого соответствия, не можем предложить концепцию, которая позволила бы понять, каким образом субъективные и физические свойства могут быть одновременно существенными сторонами одной сущности или процесса.

История европейской теоретической мысли уже давно сталкивалась с этой проблемой, которая не получила решения. Вероятно, впервые мысль о логической невозможности сопряжения психологической и физиологической реальностей, языка психологии и языка, описывающего мир физических явлений, была четко высказана Г. Лейбницем. Он предлагал представить себе машину, устройство которой

осуществляет восприятие, мышление, чувство, и вообразить ее пропорционально увеличенной, чтобы можно было войти в нее, как в мельницу. Допустив это, писал Г. Лейбниц, мы нашли бы внутри нее только сталкивающиеся между собой части и ровно ничего, что объясняло бы восприятие, мышление и чувства.

Позднее абсолютная чуждость психики (сознания) деятельности мозга была провозглашена Э. Дюбуа-Реймоном в его знаменитом тезисе о принципиальной невозможности перекинуть какой-либо логический мост из области расположения и движения материальных частиц мозга в область сознания. Э. Дюбуа-Реймон был последовательным материалистом. Он не сомневался в том, что психические процессы целиком и полностью являются продуктом материальных условий, но он не видел решительно никакой логической возможности понять, как именно они возникают из материальной деятельности мозга. Этот пункт, по его мнению, навсегда останется для человечества одной из неразрешимых мировых загадок — «Не знаем и никогда не узнаем» (Дюбуа-Реймон, 1900). Именно он излагает в своей книге позицию Г. Лейбница, совпадающую с его собственной

В настоящее время проблема отсутствия логического моста между описанием психических и физиологических процессов мозга обсуждается в контексте разрыва в материалистических объяснениях психики (Нагуманова, 2007). При этом одни авторы утверждают, что разрыв в объяснении связи между ментальным и физическим свидетельствует о наличии именно онтологического разрыва между ними, что материализм ложен и что некоторая форма дуализма может быть истинной. Другие же полагают, что наличие логического объяснительного разрыва не означает существования онтологического разрыва между мозгом и психикой. Проведенный С.Ф. Нагумановой анализ существующих

взглядов склоняет ее к выводу, что, хотя в материалистических объяснениях психики действительно имеется разрыв, однако нет оснований считать, что он является непреодолимым.

Возможность преодоления разрыва и онтологического дуализма работы мозга и психики признается Т. Нагелем. Однако для ее реализации, считает он, требуется кардинальное изменение наших понятий и о психике, и о мозге. Он пишет, что если при рассмотрении соотношения сознания и физических процессов в мозге наши понятия не способны раскрыть необходимую связь между ними, которая установлена наукой и фактически существует, то, значит, надо признать наши понятия радикально неадекватными. Требуется ревизия того, как мы представляем себе сознание, материю или то и другое¹.

Ранее о том же говорил Ф. Крик. Он писал, что если мы не в состоянии в научном материалистическом ключе решить вопрос соотношения психики и деятельности мозга, то это наводит на мысль, «что весь наш способ мышления о таких проблемах, возможно, ошибочен» (Крик, 1982, с. 258).

По мысли Т. Нагеля, решение проблемы соотношения деятельности мозга и психики требует создания новой теории и главное — введения некоторого нового третьего понятия, из природы которого вытекало бы и понятие ментального и понятие физического и благодаря которому их актуальная необходимая связь стала бы для нас логически понятной.

В моих работах в качестве такого понятия было предложено понятие *отражения*.

¹ История развития физики ярко демонстрирует, как твердо установленные факты, не вписывающиеся в прокрустово ложе существующих понятий, вели к пересмотру и изменению самих кардинальных понятий о движении, о материи, о пространстве, времени и т.д. Представляется, что сейчас психология стоит перед необходимостью строгого анализа и пересмотра содержания многих своих понятий.

Можно показать, что оно действительно способно сделать онтологически и логически понятной установленную наукой фактическую неразрывную связь деятельности мозга и психики, не отрицая ни существования, ни биологической роли последней, и обосновать истинность положения Б. Спинозы о том, что тело и душа представляют собой одну и ту же вещь, но рассматриваемую под разными атрибутами — под атрибутом протяжения и под атрибутом мышления. Однако для этого необходимо также различать более общее широкое родовое понятие психики (*mind*) и более узкое видовое понятие сознания (*consciousness*) как знания человека о своей психике, что ведет к реабилитации метода интроспекции в изучении его психики и сознания.

ПСИХИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В отечественной психологии сложилось общепринятое понимание психики как отражения действительности, необходимого для регуляции поведения и деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Л.М. Веккер, К.К. Платонов, Я.А. Пономарёв и другие).

Такое понимание сущности психики исходит из положения о нерасторжимой связи организма и среды как двух взаимодействующих подсистем. Оно постулирует адаптивное поведенческое взаимодействие живых существ со средой и друг с другом и предполагает внутреннюю репрезентацию характеристик мира, в соответствии с содержанием которых организуется поведение всех живых существ в природной среде и деятельность человека в среде природной и социальной. Концепция ясно указывает на реальное место психики не только в организации поведения и деятельности, но и в мире в целом.

Понимание психики как отражения действительности восходит еще к Аристотелю, к его определению ощущения как того, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи подобно тому, как воск принимает отпечаток печати без железа и без золота (Аристотель, 1975).

В контекст теории отражения вписываются положения Г. Гегеля, что субъект может иметь для себя объект, оставляя его без изменения (внешний материал «остается совершенно равнодушен к изменению, предпринимаемому над ним»), что субъект способен «перемещать вещи в сторону своего внутреннего мира, отнимая у вещей присущую им внешность» (Гегель, 1934, с. 20, 22).

Среди русских дореволюционных авторов, взгляды которых созвучны теории отражения, следует назвать Н.О. Лосского. В труде «Обоснование интуитивизма» он отстаивает точку зрения, что внешний мир существует объективно и что именно он «в оригинале», а не его субъективные образы представлены в наших ощущениях (Лосский, 1991).

Наконец, следует учитывать более чем двухтысячелетнюю философскую традицию понимания человека как Микрокосмоса, отражающего в себе всю Вселенную, весь Универсум. В русле этой тенденции учение Г. Лейбница о монадах как психически деятельных субстанциях, каждая из которых непрерывно бывает зеркалом Вселенной и содержит в своем существе порядок, соответствующий порядку Вселенной.

Теория отражения и понимание человека (а шире — любого живого существа) как Микрокосмоса, отражающего в себе в той или иной степени Универсум, позволяют также преодолеть физикалистско-механистическое понимание сущности деятельности мозга, так как диктует понимание деятельности мозга как отражательной по своей природе и по своим задачам.

**СУЩНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОЗГА. КАЧЕСТВЕННОЕ ОТЛИЧИЕ
МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
МОЗГА ОТ ВСЕХ ДРУГИХ ТЕЛЕСНЫХ
МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Успехи современной нейрофизиологии делают несомненным, что с общей теоретико-методологической точки зрения деятельность мозга должна рассматриваться как отражательная по своей сущности. Это значит, что специфическая функция мозга состоит в построении картины окружающего мира, включая само это живое существо, его тело, происходящие в нем процессы жизнедеятельности, и организации на этой основе актов поведения, адекватных среде и состояниям организма.

Еще в конце 1960-х гг. Р.Л. Грегори писал, что, когда «мы смотрим на что-нибудь, определенная структура нервной активности воспроизводит предмет» (Грегори, 1970, с. 11). П.К. Анохин назвал мозговое описание внешнего объекта его нервным информационным эквивалентом, который в норме сохраняется на всем пути передачи информации от сигнала по анализатору и далее к эффекторам, обеспечивая адекватную реакцию на стимул (Анохин, 1969). П.К. Анохин подчеркивал, что в процессе эволюции должны были сложиться принципы организации анализаторов, которые гарантируют точность передачи сведений о детальных параметрах объектов в высшие инстанции мозга. А данные сравнительной физиологии показывают, что по мере эволюции нервные информационные эквиваленты внешних воздействий становятся все полноценнее, все больше приближаются к реальным объектам.

В контексте решения психофизиологической проблемы следует различать два разных, хотя и неразрывно связанных класса протекающих в мозгу процессов. Один класс – это процессы, специфические для деятельности мозга. Их функция – построение картины мира и организа-

ция на этой основе адаптивных актов жизнедеятельности и поведения. Второй класс процессов для деятельности мозга не является специфическим. Роль этих процессов состоит в обеспечении трофики и энергетики процессов первого класса. Поэтому с ментальными процессами должны теоретически соотноситься только процессы первого класса, а не просто все без исключения процессы деятельности мозга.

Процессы первого класса уникальны. Они качественно отличны от процессов второго класса и вообще от всех других процессов в природе, в том числе в теле и в организме самих живых существ и человека. Их уникальность и качественное отличие состоят в том, что отражательные процессы мозга, оставаясь от начала и до конца материальными, «протяженными», телесными процессами, воплощают в себе иную вне них существующую реальность, выступают в роли представителя этой реальности для организма. Природа отражательных процессов мозга двойственна: будучи от начала и до конца материальными и протяженными, они являются также идеальными по отношению ко вне них существующей реальности и выступают ее носителями. Благодаря этим уникальным процессам мир, включая само живое существо и все его взаимодействия с миром, оказывается буквально «встроенным» в живое существо и воспроизведенным в нем с определенной точностью. Поэтому в своих актах поведения живое существо руководствуется обстоятельствами окружающего мира и состояниями собственного организма. Следовательно, чем более полно и детализированно в состояниях мозга отражена существующая вне его действительность, тем выше адаптивные и творческие возможности живого существа.

Таким образом, суть дела состоит в том, что к исполнительным органам живого существа поступают не просто физические нервные импульсы, но такие их физические ансамбли, в которых воплощены

(представлены), подчас с высокой точностью, качественные и количественные свойства той стимуляции, которая инициирует поведенческие акты.

Отражательные процессы мозга имеют двойственную материально-идеальную природу. При этом идеальное это не есть нечто, выходящее за пределы материи. По определению Э.В. Ильенкова, под идеальностью или идеальным следует понимать то своеобразное и строго фиксируемое отношение между двумя объектами, внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта. «Быть другим», оставаясь при этом «самим собой», — это значит обладать, кроме реального, еще и идеальным бытием (Ильенков, 1979).

Таким образом, отражательные процессы мозга не могут рассматриваться как физические явления в классическом смысле этого слова. Это совсем особый вид материальных процессов, имеющих двойственную материально-идеальную природу, характеризующихся не только протяженностью (или энергией), но и содержанием, относящимся к предметам и явлениям, находящимся вне них самих. Эти особые уникальные материальные процессы, результат физического действия которых в отношении поведения определяется их идеальным бытием. Это процессы психофизиологические и психофизические.

**РЕШЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ В РАМКАХ МОНИСТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ Б. СПИНОЗЫ.
ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ**

Все сказанное выше позволяет считать наиболее адекватным решением психофизиологической проблемы монистическую теорию Б. Спинозы, согласно которой тело и душа представляют собой одну и ту же «вещь», одну и ту же субстанцию, представленную в одном случае под атрибутом протяжения, а в другом — под

атрибутом мышления (Спиноза, 1933). Говоря современным языком, под атрибутом протяжения психофизиологические процессы в мозгу — это вся многообразная протяженно-телесная работа его нервных клеток, а под атрибутом мышления — это все многообразие воплощенного в них содержания внешнего мира и внутренних состояний самого организма. Теория Спинозы исключает понимание ментальных явлений и протяженных процессов деятельности мозга как относящихся к его внешней и внутренней стороне, как «сопутствующих» и коррелирующих между собой, исключает понимание ментального как свойства физического, а физического как причину ментального.

В рамках теории Б. Спинозы исключаются как представление о существовании двух разных процессов — нервно-материальных и психических, протекающих одновременно (параллелизм), так и элиминация психического, которое полностью сводится к нервному, в теории тождества. В теории Спинозы ментальное (психическое) и протяженно-телесное физиологическое — это не разные процессы, но разные, не сводимые друг к другу, фундаментальные свойства единых психофизиологических процессов. Сегодня ясно, что эти разные объективно существующие свойства психофизиологических процессов изучаются разными методами и разными науками. Под атрибутом протяжения психофизиологические процессы изучаются нейронауками с использованием методов ЭЭГ, микроэлектронной техники, ФМРТ, ПЭТ, МЭГ и других аналогичных приемов. Под атрибутом мышления они изучаются психологией, раскрывающей идеальное ментальное содержание психофизиологических процессов, в соответствии с которым организуются адаптивное поведение и деятельность животных и человека. Методы психологии — это анализ поведения на предмет выявления его центральных ментальных содержаний,

анализ с той же целью продуктов деятельности человека, его вербальных отчетов о воспринимаемом и вербальных отчетов об образах памяти и представлениях, о мыслях, чувствах, желаниях, волевых усилиях и т.д. (интроспекция) (Чуприкова, 2015).

Результаты исследований психофизиологических процессов, получаемые физиологическими и психологическими методами, формулируются на разных языках. В физиологии это язык протяженно-телесных понятий (нервные импульсы, ансамбли нейронов, возбуждение, торможение, синхронизация возбуждений и т.д. и т.п.), а в психологии — это язык описания воплощенных в психофизиологических процессах содержаний внешнего и внутреннего мира животных и человека (ощущения, восприятия, мысли, чувства, потребности, желания и т.д. и т.п.). Эти два разных языковых являются дополнительными по отношению друг к другу. Сопрягает эти дополнительные языки пограничная область науки — психофизиология.

В рамках монизма Спинозы получает ясное понимание логическая необходимость соответствия ментального (образа, представления, чувства, потребности и т.п.) и физического (функции нейронов, их ансамблей и систем). Логическая необходимость соответствия вытекает из двойственной природы психофизиологических процессов. Протяженная физическая (физико-химическая) деятельность мозга только потому может обеспечить адекватное среде и внутренним условиям организма поведение живых существ, что в ней воплощены окружающий живое существо мир и состояния его собственного организма.

Т. Нагель писал в упомянутой выше статье (2001), что он не считает иррациональным надеяться, что когда-нибудь люди, наблюдая деятельность мозга, могут говорить с истинным пониманием: «Вот как снаружи выглядит ощущение вкуса шоколада». Представляется, что изучение деятельности мозга физиологическими

и психологическими методами в рамках монизма Спинозы на основе принципов отражения и дополнительности, действительно, должно когда-нибудь в будущем привести к подобным и многим другим аналогичным результатам. Физиология будет раскрывать и описывать на своем языке, как определенные свойства шоколада (и многих других объектов) воплощены в деятельности нейронов, их сетей и ансамблей, а психология, основываясь на вербальных описаниях соответствующих объектов, выразит на своем языке, как те же самые свойства представлены в наших ощущениях.

Уже сегодня на некоторых простых примерах можно увидеть, как данные, получаемые психологическими и физиологическими методами, буквально «сливаются» друг с другом, находясь в отношении дополнительности. Р. Юнг (1964) перечисляет 12 совпадений между некоторыми особенностями реакций нейронов в зрительной коре кошки при подаче разного рода стимулов и особенностями зрительных ощущений человека, выявляющихся в аналогичных условиях по данным словесного отчета. Так, впечатлению пограничного контраста у человека соответствует локальное усиление разрядов нейронов «освещения» и нейронов «затемнения» по обеим сторонам корковой пограничной полосы в зрительном анализаторе кошки. А временная динамика фаз зрительного последовательного образа у человека, состоящая из постепенно затухающих ощущений света и темноты, близко соответствует временной динамике активации и торможения нейронов освещения и затемнения после засвета глаз у кошки. В конце концов должно будет осуществиться предвидение И.П. Павлова: «Я убежден, что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным

путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу» (Павлов, 1950, с. 196).

На основании сказанного следует заключить, что традиционная постановка вопроса о том, как мозг порождает психику, неправомерна, так как молчаливо подразумевает, что психика и деятельность мозга — это хотя и взаимосвязанные, но разные вещи. Между тем это не разные «вещи», а одна и та же «вещь», имеющая разные свойства. Поэтому вопрос должен состоять в том, как в нервной системе и в мозгу живых существ порождаются уникальные материально-идеальные психофизиологические процессы и как в их материали воплощаются вне их существующий внешний мир и внутреннее состояние их организма. Такая постановка вопроса переводит психофизиологическую проблему из ранга философской в ранг конкретно-научных исследований.

Как уже говорилось, Ф. Крик и Т. Нагель склонялись к мысли, что для продвижения на пути решения психофизиологической проблемы требуется серьезный пересмотр наших традиционных понятий и о психике, и о деятельности мозга. В настоящей статье предпринята попытка такого пересмотра, позволяющая, с моей точки зрения, наметить более ясный путь возможного решения проблемы по сравнению с тем, что предлагалось до сих пор. Однако на пути решения проблемы требуется остановиться еще на двух аспектах пересмотра и уточнения понятий о психике и о деятельности мозга.

О ВОЗМОЖНОМ КАЧЕСТВЕННОМ МНОГООБРАЗИИ ПРОЦЕССОВ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ И РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ПОВЕДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА

Традиционно считается как бы само собой разумеющимся, что нервные процессы качественно однородны. Это утверждение подкрепляется тем, что электрические по-

тенциалы действия, продуцируемые нейронами и передающиеся к исполнительным органам, действительно, с внешней стороны не обнаруживают никаких качественных различий между разными нейронами и разными нейронными системами. Возможность возникновения качественно разнородных психических явлений из качественно однородных физиологических была названа «психофизиологическим парадоксом» (Орлов, 1966). Невозможность понять происхождение качественных характеристик психических явлений на основе однородных по качеству лежащих в их основе нервных активностей обсуждалась А. Розенблютом (Rosenblueth, 1970).

Однако если это так, не лежит ли выход из создавшегося положения в том, чтобы пересмотреть кажущееся незыблемым представление о нервных процессах как качественно однородных по своей природе? В самом деле, если бы в работающем мозге помимо однородных электрических импульсов существовали еще какие-то другие, качественно разнородные процессы, то они, по-видимому, могли бы быть подходящим материалом для построения многокачественной картины наших ощущений, чувств и переживаний. Такая возможность обсуждалась в литературе, в частности, в известной теории специфических энергий органов чувств И. Миллера. Она подробно рассматривается Г. Рорахером, выдвинувшим гипотезу о существовании в нервной системе и мозге качественно различных возбуждений (Rohracher, 1967), его идеи подробно излагаются Е.И. Бойко (2002) и отчасти в моей книге (Чуприкова, 2015).

В нашей стране П.К. Анохин выдвинул представление о решающей роли специфических нейрохимических процессов интегративной деятельности нейронов. В его лаборатории были получены убедительные фактические данные о специфичности нейрохимических механизмов обработки возбуждений разных модальностей (свет, звук, боль). Было показано, что «при

одних и тех же электрических явлениях химическая специфика синаптической деятельности может быть совершенно различной», что «одного электрического показателя недостаточно для проникновения в самую суть нейрофизиологических процессов, разыгрывающихся на нейроне» (Анохин, 1968, с. 168), что внутримихимические процессы деятельности разных нейронов качественно различны. Имеющиеся данные позволили П.К. Анохину высказать смелую гипотезу, что «мы имеем различную химию страдания, тоски, страха и радости и других существенных эмоциональных переживаний в жизни животных и человека» (Анохин, 1970, с. 13). Сводка фактических результатов исследований, подтверждающих взгляды П.К. Анохина, дана в его работе (1974).

**СОЗНАТЕЛЬНЫЕ (ОСОЗНАВАЕМЫЕ)
И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ (НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ)
ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.
ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
СОЗНАНИЯ**

Безусловным достижением психологии последнего столетия явилось разграничение понятий «психика» (*mind*) и «сознание» (*consciousness*), что нашло выражение в общепринятом разделении психических процессов на сознательные и бессознательные. Бессознательные — это такие психические процессы и явления, которые, хотя и влияют на поведение человека, что видно постороннему наблюдателю, самому человеку неизвестны и неподотчетны. Эмпирические признаки сознания состоят в том, что человек имеет знание не только о внешнем мире, о своем поведении и внешности, но и о своих внутренних психических процессах и состояниях, они ему подотчетны.

Такое понимание сознательных психических процессов нашло отражение в классическом декартовско-локковском определении: «Сознание есть восприятие

того, что происходит у человека в его собственном уме» (Ярошевский, 1976, с. 117), а если шире — оно есть восприятие человеком того, что происходит в его собственной психике.

Согласно В.М. Бехтереву, человек может отдавать себе отчет о своих психических процессах, «может анализировать происходящие в нем самом психические процессы» (Бехтерев, 2001, с. 22). Если человек не отдает себе отчета о своих психических процессах, то они квалифицируются как бессознательные. А.Н. Леонтьев пишет об этом так: «С другой стороны, хорошо известные и легко воспроизводимые в лабораторных условиях факты говорят о том, что человек способен осуществлять сложные приспособительные процессы, управляемые предметами обстановки, вовсе не отдавая себе отчета в наличии их образа; он обходит препятствия и манипулирует вещами, как бы “не видя” их» (Леонтьев, 1975, с. 125).

Хотя деление психических процессов и явлений на сознательные и бессознательные является общепринятым, при обсуждении психофизиологической проблемы большинство авторов все же продолжают их не различать и, говоря о психике, называют в качестве ее первого и решающего признака «субъективность» — субъективную данность тому субъекту, которому психика принадлежит. При обсуждении психофизиологической проблемы забывается, что это признак только сознательных психических явлений, поскольку бессознательное психическое самому субъекту никак не дано и в этом смысле, оставаясь психическим, не является субъективным.

В то же время бессознательные процессы, которые регулируют подчас достаточно сложные акты поведения человека и его мыслительной деятельности, при обсуждении психофизиологической проблемы практически никогда не рассматриваются как психические (психофизиологические). Молчаливо принимается, что, если эти процессы не представлены в сознании,

они апсихичны, являются только материальными процессами мозга. Это, конечно, не так.

Серьезного обсуждения требует понятие «непосредственность» применительно к фактам сознания. Человек знает «непосредственно» о своей психике в том смысле, что это знание не является продуктом каких-либо умозаключений на основе косвенных признаков (о психике других людей мы знаем опосредованно на основе их поведенческих и речевых реакций). Однако знание о собственной психике не является «непосредственным» в том смысле, что не опосредуется вообще никакими дополнительными к самой психике процессами и механизмами. В философской и теоретической психологической мысли за опосредующими процессами сознания наиболее прочно закрепилось понятие рефлексии.

По мере развития экспериментальной и клинической психологии сознание стало связываться с процессами вербализации внешних объектов и собственных внутренних состояний. В этом контексте бессознательные психические процессы рассматриваются как процессы невербализуемые, а сознательные — как вербализуемые, находящие отражение в словесных отчетах субъекта. В то же время в связи с успехами в изучении физиологии мозга и нервной системы понятию рефлексии придали физиологический смысл. Так, еще в XIX в. немецкий врач Г. Кцольбе, интересовавшийся философскими вопросами, полагал, что в нервной системе человека возникает обратное движение нервного тока к участкам мозга, возбужденным прямыми сенсорными воздействиями, и именно оно составляет механизм сознания.

В наши дни к идее возврата возбуждений к местам первоначальных проекций как к механизму сознания с привлечением результатов экспериментальных исследований работы мозга (ЭЭГ, ВП) обращается А.М. Иваницкий (1999, 2004). Близкие

представления он находит у Дж. Эдельмана (Edelman, 1989).

Процессы рефлексии, в основе которых лежит возврат возбуждений к мозговым областям сенсорно-перцептивных проекций, и вербализация соответствующих ощущений и восприятий влекут за собой их глубокую качественную перестройку. Поскольку вербализуется множество самых разных отдельных свойств вещей и явлений, множество их самых разных связей и отношений, которые в восприятии выступают в целостном интегральном виде, ощущения и восприятия приобретают качественно новую расчлененно-аналитическую форму, которую они не имели до их рефлексии и вербализации. Поэтому сознание человека — это не только и не просто знание о собственной психике. Это аналитически расчлененное познание собственной психики и отраженного в ней внешнего и внутреннего мира человека (Чуприкова, 1981, 1985, 2010, 2015).

Принципиальное качественное отличие сознания человека и его физиологических механизмов от структуры и механизмов бессознательных психических процессов обязательно должно приниматься во внимание при обсуждении психофизиологической проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из содержания настоящей статьи вытекает важное следствие. Оно состоит в том, что отражательная психическая деятельность мозга — это такое его особое свойство, которое не может быть ни выведено из каких-либо других свойств материи, ни сведено к ним. Особая природа этого свойства коренится в специфических результатах взаимодействия материальных тел, которые могут быть квалифицированы как отражение свойств воздействующих тел в характере изменений в телах, в отношении которых произведено воздействие. Согласно Б. Спинозе, «все состояния, в кото-

рые какое-либо тело приводится действием другого тела, вытекают как из природы тела, подвергающегося действию, так и из природы тела действующего» (1933, с. 49). О том же самом известная мысль В.И. Ленина о логичности предположения, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, — свойством отражения. В том же ключе можно рассматривать гипотезу панпсихизма Д. Чалмерса (2013).

Применительно к психике человека и его телу дополнительность двух фундаментальных свойств одной и той же субстанции выразительно представлена Б. Спинозой. «До тех пор, пока тело человеческое находится в состоянии, заключающем в себе природу какого-либо внешнего тела, человеческая душа будет смотреть на это тело как на существующее налицо; и, следовательно, до тех пор, пока душа смотрит на какое-нибудь внешнее тело как на существующее налицо, т.е. воображает его, человеческое тело находится в состоянии, заключающем в себе природу этого внешнего тела» (Там же, с. 92).

Перевод обсуждения психофизиологической (психофизической) проблемы из ранга философской в ранг сложнейшей конкретно-научной проблемы предполагает последовательное изучение эволюционного развития свойства отражения в неживой природе, а затем в контексте развития жизни и человеческого общества. На этом пути не должен возникать эффект опрощения жизни, который, как отмечают в своей статье А.Г. Асмолов с соавт., является неизбежным следствием редукционистской теории простого сведения психики к физической деятельности мозга. Наоборот, это путь все большего раскрытия эволюционного обогащения и одухотворения материи и жизни, в которой развивается психика, становящаяся все более обширным «зеркалом Вселенной».

Экспериментальные исследования последних лет, касающиеся процессов жиз-

недеятельности растений и поведения простейших организмов (бактерий), привели к поразительным результатам, которые нельзя обходить молчанием при обсуждении психофизиологической проблемы.

Оказалось, что растения избирательно реагируют на многие внешние воздействия (магнитные и электрические поля, гравитация, свет, звуки, прикосновения, химические вещества) и используют их как сигналы в актах регуляции процессов своей жизнедеятельности (Волков, 2010). Экспериментальное изучение жизнедеятельности и поведения сообществ цианобактерий (геологический возраст которых насчитывает 3,8–3,5 млрд лет) показало, что они избирательно реагируют на направление силы тяготения, направление освещения, характер пространства, в котором они в данный момент находятся. В соответствии с учетом этих воздействий строится жизнедеятельность бактериального сообщества (Харитонов и др., 2014). Авторы приходят к выводу, что психика как отражение действительности, включенное в регуляцию жизнедеятельности, есть атрибут живого и в своих основных проявлениях практически одновозрастна живому веществу.

Дальнейшее развитие психики состоит в появлении и специализации чувствительных клеток, в появлении нервной системы и мозга, которые взяли на себя осуществление функции отражения², в становлении и развитии целостной функциональной системы психики, состоящей из относительно самостоятельных подсистем: когнитивной, эмоциональной, потребностно-мотивационной, мнемической, коммуникативной, центрально-интеграционной и активационно-энергетической в появлении и развитии сознания и самосознания (Чуприкова, 2015).

² Аналогично тому как другие специализированные органы взяли на себя функции питания и пищеварения, выделения, кровообращения, размножения, движения.

Жизнь и ее развитие изучаются системной биологических наук. Однако они вряд ли могут быть исчерпывающе описаны исключительно и только в физических, биофизических, биохимических, энергетических и других подобных классических материальных терминах и понятиях. Их описание требует второго дополнительно психологического языка, т.е. описания того, как именно живые существа отражают окружающий их мир и как содержание этого отражения регулирует процессы их жизнедеятельности и поведения. Поэтому мне представляется совершенно правильным и эвристичным парадоксальное на первый взгляд название статьи А.Г. Асмолова с соавт.: «Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизиологической проблеме».

Хотя предложенный мною подход к решению психофизиологической проблемы отличается от подхода авторов статьи, я полностью разделяю смысл сформулированной в ее Заключении программы будущих исследований, которые должны быть направлены на изучение *места психического* в расширении адаптивного потенциала жизни, должны раскрывать шаги ее эволюционного одушевления. Переход от философской к конкретно-научной постановке психофизиологической проблемы требует именно такой программы исследований, решения тех же самых задач.

1. *Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
2. *Анохин П.К.* Психическая форма отражения // Ленинская теория отражения и современность / Под ред. Т. Павлова. София: Наука и искусство, 1969. С. 109–139.
3. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1970.
4. *Анохин П.К.* Системный анализ интегративной деятельности нейрона // Успехи физиол. наук. 1974. Т. 5. № 2. С. 5–92.
5. *Аристотель.* О душе. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
6. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизиологической проблеме // Вопр. психол. 2016. № 2. С. 3–23.
7. *Бехтерев В.М.* Сознание и его границы // Психология сознания СПб.: Питер, 2001. С. 19–31.
8. *Бойко Е.И.* Механизмы умственной деятельности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
9. *Волков А.* У растений есть нервы? // Знание-сила. 2010. № 4. С. 4–19.
10. *Гегель Г.В.* Философия природы. Соч.: В 14 т. Т. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
11. *Грегори Р.Л.* Глаз и мозг. М.: Прогресс, 1970.
12. *Джемс У.* Научные основы психологии. СПб.: С.-Петербургская электропечатня, 1902.
13. *Дюбуа-Реймон Э.* О границах познания природы. М., 1900.
14. *Иваницкий А.М.* Главная загадка природы: как на основе процессов мозга возникают субъективные переживания // Психол. журн. 1999. Т. 20. № 3. С. 93–104.
15. *Иваницкий А.М.* Естественные науки и проблема сознания // Вест. Рос. акад. наук. 2004. Т. 4. № 8. С. 716–723.
16. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопр. филос. 1979. № 6. С. 128–140; № 7. С. 143–158.
17. *Крик Ф.* Мысли о мозге // Мозг / Под ред. П.В. Симонова. М.: Мир, 1982. С. 257–275.
18. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
19. *Лосский Н.О.* Обоснование интуитивизма. Избранное. М.: Правда, 1991.
20. *Майерс Д.* Психология. Минск: Попурри, 2001.
21. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопр. филос. 2001. № 8. С. 101–112.
22. *Нагуманова С.Ф.* Существует ли разрыв в материалистических объяснениях психики? // Вопр. филос. 2007. № 1. С. 90–105.
23. *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966.
24. *Павлов И.П.* Физиология высшей нервной деятельности // Избр. труды. М.: 1950. С. 187–196.
25. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006.
26. *Свааб Д.* Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
27. *Соколов Е.Н.* Очерки по психологии сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
28. *Спиноза Б.* Этика. М.; Л.: Госсозэкономиздат, 1933.
29. *Харитонов А.Н.* и др. Эволюционные предпосылки появления психики: социальная жизнь цианобактерий // Дифференциально-интеграционная теория развития. Кн. 2 / Ха-

- ритонов А.Н., Греченко Т.Н., Сумина Е.Л., Сумин Д.Л., Орлеанский В.К. / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 283–302.
30. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
 31. *Чуприкова Н.И.* Сознание как высшая расчлененная и системно-упорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы // Психол. журн. 1981. № 6. С. 16–27.
 32. *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985.
 33. *Чуприкова Н.И.* На пути к материалистическому решению психофизической проблемы. От дуализма Декарта к монизму Спинозы // Вопр. филос. 2010. № 8. С. 110–121.
 34. *Чуприкова Н.И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015.
 35. *Юнг Р.* Интеграция в нейронах зрительной коры и её значение для зрительной информации // Теория связи в сенсорных системах / Под ред. Г.Д. Смирнова. М.: Мир, 1964. С. 375–415.
 36. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
 37. *Brain and conscious experience.* N.Y.; Heidelberg: Berlin: Springer Verl., 1966.
 38. *Edelman J.M.* The remembered present: A biological theory of consciousness. N.Y.: Basic Books, 1989.
 39. *Rohracher H.* Die Arbeitsweise des Gehirns and die psychischen Vorgänge. 4 Aufl. München, 1967.
 40. *Rosenblueth A.* Mind and brain. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
- References in Russian:**
1. *Anohin P.K.* Biologiya i neyrofiziologiya uslovnogo refleksa. M.: Medicina, 1968.
 2. *Anohin P.K.* Psihicheskaya forma otrazheniya // Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennost' / Pod red. T. Pavlova. Sofiya: Nauka i iskusstvo, 1969, s. 109–139.
 3. *Anohin P.K.* Filosofskie aspekty teorii funktsional'noj sistemy. M.: Nauka, 1970.
 4. *Anohin P.K.* Sistemnyj analiz integrativnoj deyatel'nosti nejrona // Uspekhi fiziol. nauk. 1974. T. 5. № 2. S. 5–92.
 5. *Aristotel'.* O dushe. Soch.: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1975.
 6. *Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M.* Chto takoe zhizn' s tochki zreniya psihologii: istoriko-ehvolucionnyj podhod k psihofizicheskoj probleme // Voпр. psihol. 2016. № 2. S. 3–23.
 7. *Bekhterev V.M.* Soznanie i ego granicy // Psihologiya soznaniya SPb.: Piter, 2001. S. 19–31.
 8. *Bojko E.I.* Mekhanizmy umstvennoj deyatel'nosti. M.: Mosk. psihol.-soc. in-t; Voronezh: NPO «MODEK», 2002.
 9. *Volkov A.* U rastenij est' nervy? // Znaniesila. 2010. № 4. S. 4–19.
 10. *Gegel' G.V.* Filosofiya prirody. Soch.: V 14 t. T. 2. M.; L.: Socehgkiz, 1934.
 11. *Gregori R.L.* Glaz i mozg. M.: Progress, 1970. 12. *Dzhems U.* Nauchnye osnovy psihologii. SPb.: S.-Peterburgskaya ehlektropechatnya, 1902.
 12. *Dyubua-Rejmon Eh.* O granicah poznaniya prirody. M., 1900.
 13. *Ivanickij A.M.* Glavnaya zagadka prirody: kak na osnove processov mozga voznikayut sub'ektivnye perezhivaniya // Psihol. zhurn. 1999. T. 20. № 3. S. 93–104.
 14. *Ivanickij A.M.* Estestvennye nauki i problema soznaniya // Vest. Ros. akad. nauk. 2004. T. 4. № 8. S. 716–723.
 15. *I'enkov Eh.V.* Problema ideal'nogo // Voпр. filol. 1979. № 6. S. 128–140.; № 7. S. 143–158.
 16. *Krik F.* Mysli o mozge // Mozg / Pod red. P.V. Simonova. M.: Mir, 1982. S. 257–275.
 17. *Leontiev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975.
 18. *Losskij N.O.* Obosnovanie intuitivizma. Izbrannoe. M.: Pravda, 1991.
 19. *Majers D.* Psihologiya. Minsk: Popurri, 2001. 21. *Nagel' T.* Myslimost' nevozmozhnogo i problema duha i tela // Voпр. filol. 2001. № 8. S. 101–112.
 20. *Nagumanova S.F.* Sushchestvuet li razryv v materialisticheskikh ob'yasnyaniyah psihiki? // Voпр. filol. 2007. № 1. S. 90–105.
 21. *Orlov V.V.* Psihofiziologicheskaya problema. Perm', 1966.
 22. *Pavlov I.P.* Fiziologiya vysshej nervnoj deyatel'nosti // Izbr. trudy. M.: 1950. S. 187–196.
 23. *Psihologicheskaya ehnciklopediya / Pod red. R. Korsini, A. Auehrbaha.* SPb.: Piter, 2006.
 24. *Svaab D.* My — ehto nash mozg: ot matki do Al'cgejmera. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2014.
 25. *Sokolov E.N.* Oчерки по psihologii soznaniya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2010.
 26. *Spinoza B.* Ehtika. M.; L.: Gossocehkonimizdat, 1933.
 27. *Haritonov A.N.* i dr. Ehvolucionnye predposylki poyavleniya psihiki: social'naya zhizn' cianobakterij // Differencionno-integracionnaya teoriya razvitiya. Kn. 2 / Haritonov A.N., Grechenko T.N., Sumina E.L., Sumin D.L., Orleanskij V.K. Sost. i red. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Znak, 2014. S. 283–302.
 28. *Chalmers D.* Soznayushchij um: v poiskah fundamental'noj teorii. M.: URSS; Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013.

31. *Chuprikova N.I.* Soznanie kak vysshaya raschlenennaya i sistemno-uporyadochennaya forma otrazheniya i ego mozgovye mekhanizmy // Psihol. zhurn. 1981. № 6. S. 16–27.
32. *Chuprikova N.I.* Psihika i soznanie kak funkciya mozga. M.: Nauka, 1985.
33. *Chuprikova N.I.* Na puti k materialisticheskomu resheniyu psihofizicheskoj problemy. Ot dualizma Dekarta k monizmu Spinozy // Vopr. filos. 2010. № 8. S. 110–121.
34. *Chuprikova N.I.* Psihika i psihicheskie processy (sistema ponyatij obshchej psihologii). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015.
35. *Yung R.* Integraciya v nejronah zritel'noj kory i eyo znachenie dlya zritel'noj informacii // Teoriya svyazi v sensorynyh sistemah / Pod red. G.D. Smirnova. M.: Mir, 1964. S. 375–415.
36. *Yaroshevskij M.G.* Istoriya psihologii. M.: Mysl', 1976.

Поступила в редакцию 20. IX 2016 г.

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРЕДМЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ

Н.Н. НЕЧАЕВ, Г.И. РЕЗНИЦКАЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рассмотрена проблема взаимоотношений между речевой коммуникацией и предметной деятельностью. В качестве методологической основы этих взаимоотношений рассматриваются марксистские положения о месте индивида в системе общественных отношений, о деятельности как общественной практике, о языке как «практическом сознании», а также идеи Л.С. Выготского и психологов его школы о взаимосвязи речи и мышления. Показано основополагающее значение отечественных психолингвистических исследований, базирующихся на деятельностном подходе (А.А. Леонтьев), для выявления отношений предметной деятельности и общения.

Предметная деятельность трактуется авторами как совместная деятельность, направленная на преобразование объекта, результаты которой – это система представлений, разделяемых ее участниками. Прослеживаются роль и основные задачи речевой коммуникации, связанные с организацией деятельности субъектов и развитием системы отношений, возникающих в совместной деятельности. С этих позиций проанализированы известные модели коммуникации: информационная и интеракционная, показана их ограниченность.

Предлагается концепция «двойственности» совместной деятельности, предполагающая различие ее предметного и коммуникативного аспектов. Показано, что в системе совместной деятельности в зависимости от ее мотивов доминируют либо предметные, либо коммуникативные задачи, что и обеспечивает взаимосвязь и взаимозависимость речевой коммуникации и предметной деятельности.

В конкретном плане данный подход рассмотрен на уровне речевого действия (высказывания) как основной единицы речевой коммуникации. Проанализированы статус речевого действия и условия его реализации в ситуации межкультурного общения.

Особое внимание уделено понятию языкового сознания (П.Я. Гальперин) и его уточнению в свете предлагаемой концепции «двойственности» совместной деятельности, обосновывается преимущество использования понятия «коммуникативное сознание». Авторы рассматривают специфику коммуникативного сознания, опирающегося на обыденное сознание социального индивида, указывая на то, что оно связано с другими формами обще-